

Евгений Рубанов

Летний рассвет

Евгений Рубанов

Летний рассвет

<https://litres.ru/74263009>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что общего у пыльного проселка колхоза «Летний Рассвет» и мраморных коридоров Академии наук? Между ними — целая жизнь Андрея Соколова, блестящего ученого-агронома, который приехал в глухую деревню по распределению на три года, а остался навсегда.

Содержание

Летний рассвет	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Евгений Рубанов

Летний рассвет

Летний рассвет

Глава 1. Пыль на проселке

Июнь в колхозе «Летний Рассвет» пах парным молоком, свежескошенной тимофеевкой и нагретой солнцем сосновой смолой. Деревня Уткино раскинулась по пологому берегу сонной речки Тихвины, утопая в яблоневои цвете.

Татьяна Лебедева шла с фермы, когда солнце только начало сползать к верхушкам дальнего леса. Резиновые сапоги она несла в руке, ступая босыми ногами по теплой пыли деревенского большака. От ее загорелых рук еще пахло хозяйственным мылом и коровой Зорькой — самой строптивой во всем стаде. Рабочий день доярки начинался в четыре утра и заканчивался ближе к обеду, но тяжелая усталость не могла перебить сладкого чувства выполненного долга. Она знала каждую свою подопечную по характеру, умела успокоить любую одним лишь тихим словом.

У старой водонапорной башни, выкрашенной облупившейся голубой краской, стоял незнакомый грузовик. Рядом топталась председательша Мария Игнатьевна — женщина монументальная, похожая на памятник труженице села из

серого гранита. А перед ней мялся высокий парень в светлой рубашке, узких брюках и очках в тонкой металлической оправе. В руках он сжимал дерматиновую папку.

— Вот, знакомься, Танюша, — басовито прогудела Игнатьевна, заметив девушку. — Наш новый специалист. Андрей Николаевич Соколов. По распределению к нам. На агронома учился, теперь будет наш хлеб растить. Поможешь ему оглядеться? Ты ж у нас все тропки знаешь.

Андрей обернулся. Взгляд у него был растерянный, городской, словно его случайно высадили на другую планету. Он скользнул глазами по простому ситцевому платью Татьяны, по тяжелой русой косе, перекинутой через плечо, и вдруг густо покраснел.

— Очень приятно, — голос у него оказался неожиданно мягким, бархатным. — Я пока совсем ничего здесь не понимаю. Карта одно, а реальность... гм... несколько объемнее.

Татьяна хмыкнула, пряча улыбку. Городской. Сразу видно — интеллигент. Ботиночки-то городские, легкие, для асфальта. Как он завтра по нашим черноземам после дождя пойдет?

— Пойдемте, товарищ агроном, покажу вам наши владения, — сказала она, надевая сапоги обратно. — Только подолы повыше задерите, коли брюки свои жалко. У нас тут после вчерашнего ливня местами как кисель.

Они шли вдоль полей колхоза. Татьяна говорила мало, больше слушала, как он пытается рассуждать о сортах пше-

ницы, цитируя учебники. Но чем дальше они уходили от конторы, тем меньше становилось в его речи академических терминов. Он замолчал, засунув руки в карманы, и просто смотрел на бескрайнее зеленое море ржи, которое волновалось под теплым ветром.

— Красиво, — тихо сказал он, остановившись на краю оврага. — Совсем не так, как в аудиториях рассказывали. Живое оно.

— Живое, — согласилась Татьяна, присаживаясь на старый березовый пенек. — Оно ласку любит. Вы вот книжек своих начитались, небось думаете: кинул зерно в землю — оно и выросло? Нет, Николай Андреевич. Тут чувствовать надо. Земля сегодня сухая — значит, злится, полива ждет. Завтра сырая, холодная — спит еще. А наша рожь, вон та, что к лесу прижимается, она особенная. Ее мой дед еще сажал. Мы ее «рассветной» зовем. Колос тяжелый, золотой. Из нее такой хлеб печется — дух на всю деревню стоит.

— Меня зовут Андрей, — поправил он, садясь рядом. Папка лежала у него на коленях, забытая. — И я действительно думал, что это просто биология и химия. Оказывается, поэзия тоже.

Вечер опускался быстро, по-южному синяя. Над полем потянулся туман. Когда они вернулись к деревне, в окнах уже горели желтые огни. Где-то брехали собаки, мычала чья-то заплутавшая телушка.

— Спасибо, Татьяна, — Андрей остановился у калитки

дома Игнатьевны, где ему определили постой. — Без вас я бы утонул в первом же лужке. Или заблудился.

— Не за что, — пожала плечами девушка. — Завтра в пять утра выгоняйте коров на луг, сами всё поймете. Только сапоги резиновые попросите у кладовщицы, а то ваши штиблеты до колена в грязи оставите.

Она ушла, растворившись в синих сумерках. Андрей долго стоял посреди улицы, чувствуя, как комары безнаказанно кусают шею. Впервые за двадцать два года своей жизни он чувствовал себя абсолютно счастливым и одновременно совершенно беспомощным.

Глава 2. Гроза над Тихвиной

Неделя прошла в странном, непривычном ритме. Андрей вставал затемно, натягивал огромные резиновые сапоги, которые были ему велики размера на три, и шел помогать пастуху дяде Васе выгонять стадо. Днем он пропадал на полях с блокнотом, делая почвенные пробы, ругаясь с трактористом Степаном, который норовил пустить культиватор прямо по молодым всходам, доказывая, что «земля просит».

А вечерами он искал Татьяну.

Он нашел ее на реке, где женщины полоскали белье. Татьяна стояла на деревянных мостках, высоко подоткнув мокрое платье. Солнце золотило ее мокрые плечи и сильные икры. Она ловко выкручивала тяжелые льняные простыни, и каждая мышца ее спины играла под гладкой кожей.

— Вода студеная, — крикнул Андрей с берега, боясь по-

дойти ближе. — Застудитесь.

— Мы привычные! — звонко отозвалась она, оборачиваясь. Капли воды сорвались с ее ресниц. — Идите сюда, Андрей Николаевич, спину мне потрите, а то руки скоро отвалятся!

Он сбежал по склону, поскользнулся на глине и чуть не упал, вызвав громкий смех всей деревни. Смех этот не обидел его, а наоборот, снял невидимый панцирь вечного отличника.

Он взял жесткую мочалку и начал тереть ей спину, стараясь касаться осторожно, но мыльная пена скользила, и ладони то и дело замирали на ее горячей коже дольше дозволенного. Татьяна молчала, подставляя лицо вечернему солнцу.

— Расскажите про Москву, — попросила она, когда работа была закончена, и она сидела на траве, расчесывая деревянным гребнем влажные волосы. — Говорят, там метро глубоко под землей ходит, и люди друг друга не знают.

— Метро есть, — кивнул Андрей, ложась рядом на локти. Запах речной свежести смешивался с запахом ее волос — сеном и парным молоком. — И людей много. Иногда кажется, что слишком. Все куда-то бегут, спешат. Дышать тяжело от выхлопных газов. А здесь дышишь — и будто первый раз родился. Знаете, Таня, меня ведь сюда силком отправили. Отец кричал, что я гублю карьеру, что место агронома — в НИИ, за пробирками, а не в грязи. Думал, отработаю положенные три года и сбегу обратно, диссертацию писать.

— Что ж не бежите? — лукаво прищурилась она.

— Бежать расхотелось, — честно ответил он. — Здесь масштаб другой. Там ты винтик. А здесь... если я ошибусь с удобрениями или сроками сева, половина Уткина зимой зубы на полку положит. Это страшно, но это настоящая жизнь.

На четвертый день их знакомства ударила гроза. Небо затянуло свинцом так стремительно, что никто не успел убрать сено. Огромные лиловые тучи нависли над «Летним Рассветом», ветер пригнул подсолнухи к самой земле.

Начался ливень. Косой, ледяной, хлещущий.

Татьяна металась по двору фермы, пытаясь загнать молодняк под навес. Одна молодая телка испугалась грома, вырвалась и понеслась прямо в поле, навстречу буре.

— Куда?! Стой, дура! — закричала Татьяна, бросаясь следом.

Грязь чавкала, хватая за ноги. Молнии били одна за другой, высвечивая обезумевшее животное. Татьяна выдохлась, легкие горели огнем. Телка была уже далеко, почти у самого черного леса.

Вдруг впереди, сквозь стену воды, мелькнула светлая рубашка. Андрей. Он бежал наперерез, нелепо размахивая руками, но удивительно быстро для городского парня. Он не кричал, а просто бежал, увязая в черноземе. Телка шарахнулась от неожиданности именно туда, куда он ее направлял — в открытые ворота старого сарая-стойбища.

Когда он добежал до Татьяны, оба были мокрыми на-

сквозь. Очки съехали набок, вода текла по лицу ручьями. Он схватил ее за плечи, чтобы удержать равновесие, и замер. До них оставалось метра полтора, но казалось, что между ними нет расстояния вовсе. Шум дождя стих, остался только грохот их сердец.

— Испугалась? — спросил он хрипло.

Татьяна подняла голову. С ее носа капало. Губы посинели от холода. Она смотрела на него снизу вверх, и в ее глазах отражались вспышки молний.

— За телку боялась, — прошептала она.

— А я за тебя, — выдохнул он и наклонился.

Поцелуй был соленым от дождевой воды и горьким от страха. Коротким, отчаянным, прерванным новым раскатом грома. Они отпрянули друг от друга, словно обжегшись.

До сарая они добежали молча. Забились под дырявую крышу, дрожа от холода и чего-то еще, огромного и непонятного, что обрушилось на них вместе с этим летним ливнем. Андрей протянул руку и осторожно стер дождинку с ее щеки.

— Три года, — повторил он шепотом, глядя, как буря уходит за горизонт, оставляя после себя чистый, звенящий воздух и огромную разноцветную радугу над лесом. — Кажется, это будет очень долгий срок.

Глава 3. Мед месяца

Лето покатилося своим чередом — жаркое, щедрое, ленивое. Рожь в колхозе «Летний Рассвет» вымахала такая, что

скрывала человека с головой.

Их любовь росла так же — незаметно, вплетаясь в быт. Андрей научился пить чай вприкуску и чинить сепаратор. Татьяна впервые побывала в клубе в туфлях на каблуках, которые привез ей Андрей из райцентра, и весь танец мучительно думала, как бы не переломать ноги.

Старые бабки на завалинках перестали называть Андрея «профессором» и начали звать «Андрюшей-Таниным». Председательша Игнатьевна одобрительно кряхтела, видя, как молодой специалист задерживается на ферме допоздна, помогая механикам наладить дойку, хотя его рабочий день давно кончился.

Однажды в августе, в ночь на Ильин праздник, они ушли на старое кладбище к заброшенной часовне — единственное высокое место в округе, откуда открывался вид на все поля. Ночь была беззвездной, душной. Воздух был настолько плотным, что его, казалось, можно резать ножом. Пахло переспелой антоновкой и медом диких пчел.

— Скоро уборка, — сказал Андрей, лежа на спине в сухой траве. — Самый страшный месяц. Если зарядят дожди, зерно осыплется. Вся весна и лето псу под хвост.

— Не зарядят, — уверенно ответила Татьяна, положив голову ему на грудь. Она слушала, как ровно и сильно бьется его сердце. — Видишь, ласточки низко летают? К ведру. И лягушки в Тихвине молчат. Земля сама скажет, когда пора.

Он повернулся на бок, опираясь на локоть. Лунный свет

падал на ее лицо, делая родинку на левой скуле черной точкой.

— Таня... — начал он, и голос его дрогнул. — Срок моего распределения подходит к концу весной. Мне предлагают место младшего научного сотрудника. Лаборатория гибридизации. Жилье дают сразу, комнату в аспирантском общежитии. Это шанс, понимаешь? Настоящая наука.

Татьяна молчала. Только пальцы, которыми она перебирала стебли полыни, побелели.

— Это в области? — глухо спросила она.

— Это под Ленинградом, — едва слышно произнес он. — Танюш... Выходи за меня. Поедем со мной. Будешь работать в лаборатории, санитаркой, кем угодно. Я выучу тебя. Ты же способная, ты землю на слух понимаешь. Тебе книги нужно читать, а не навоз ворочать. Я хочу видеть, как ты будешь сидеть в библиотеке, а не месить грязь в кирзачах.

Он говорил торопливо, захлебываясь словами, словно боясь, что она перебьет. Предлагал ей целый мир, блестящий, научный, правильный. Мир, в котором нет места запаху утренней дойки и мозолям от вил.

Татьяна медленно села. Поправила выбившуюся из косы прядь. Посмотрела вниз, на темные квадраты полей колхоза «Летний Рассвет», которые сейчас казались спящими великанами.

— В библиотеку, значит, — усмехнулась она, и в этой усмешке не было ни капли обиды, только бесконечная, веко-

вая женская мудрость. — Андрюша. Милый ты мой городской человек. Кто же тебе тогда хлеб вырастит? Под Ленинградом земли другие, болотистые. Там твоя пшеница в корень уйдет, колоса не даст. А нашу «рассветную» кто собережет? Дед твой берег, отец твой берег, я берегу. Нельзя эту землю одну оставлять. Она живая, она плакать будет.

— Но я люблю тебя! — воскликнул он, перехватывая ее руки. — Разве любовь — это не важнее хлеба?!

— Важнее, — серьезно кивнула она. — Любовь — она и есть главный хлеб. Только сыт ею одной не будешь. И потом... — она заглянула ему прямо в глаза, и столько нежности было в этом взгляде, что у него перехватило дыхание. — Зачем мне в твою лабораторию? Я тебя и так вижу. Каждый день. Вот он ты, настоящий. А там, в городе, ты снова станешь бумажным. Суета тебя съест. Я не поеду, Андрей. Мой дом здесь. Мое небо — над Уткино.

Она встала, отряхнула подол платья.

— Ты подумай еще. Весна не завтра. А сейчас пойдем, поздно уже. Завтра к шести на первую дойку.

Она пошла вниз по склону, легкая, сильная, сливающаяся с темнотой родной земли. Андрей остался один. Внизу, в долине реки, зажглись первые огоньки деревни. Ему хотелось догнать ее, упасть на колени, умолять. Но вместо этого он лег обратно в траву и посмотрел в черное августовское небо.

Впервые за эти месяцы он почувствовал не счастье, а острую, режущую боль выбора. Между долгом перед землей,

которая приняла его как родного, и любовью к женщине, которая стала его воздухом.

Где-то вдали, на дальних выпасах, коротко заржал конь. Лето перевалило за половину, неотвратимо катясь к своему рассвету и неизбежному осеннему закату.

Глава 4. Сентябрьский лед

Осень пришла в Уткино не золотым листопадом, а внезапным, злым заморозком. В одну ночь хрустальная корка инея схватила изумрудную еще картофельную ботву, превратив огороды в тусклое серебро.

Андрей проснулся от холода. Печку он с вечера топить поленился, понадеявшись на бабье лето, и теперь стучал зубами под тонким шерстяным одеялом. За окном было сизо и неприятно. Он встал, разжег керогаз, поставил чайник и долго смотрел на свое отражение в темном стекле. Одетый в застиранную ковбойку и мешковатые брюки, заправленные в резиновые сапоги, он мало напоминал того лощеного выпускника Тимирязевки, который два месяца назад сошел с попутки у водонапорной башни.

В дверь тихо постучали. На пороге стояла Татьяна. Она принесла крынку парного молока и завернутые в рушник еще теплые шаньги с картошкой.

— Совсем ты себя запустил, агроном, — сказала она вместо приветствия, проходя к столу. — Щетина как у ежа, глаза красные. Третью неделю из своих колосьев не вылезает. Харчишься всухомятку?

Она ловко достала из буфета две чашки, плеснула молока. Ее движения были привычными, домашними. От ее присутствия тесная комната председателя, где временно квартировал Андрей, сразу стала казаться жилой.

— Уборочная, Таня, — вздохнул он, принимая кружку. Руки его мелко дрожали от недосыпа. — Зерно переставает. Еще три дня такого ветра, и половина уйдет в осыпь. Комбайны старые, ломаются через каждые два часа. Я вчера до трех ночи с дядей Васей молотилку перебирал.

Татьяна села напротив, подперев щеку кулаком. Смотрела она на него без жалости, но с какой-то новой, тревожной нежностью.

— Ты похудел, Андрюша. Кожа да кости остались. Городской твой организм непривычный. Думаешь, я не вижу, как тебя крутит?

Он отставил молоко. Разговор повис над столом тяжелым осенним воздухом.

— Письмо пришло, — глухо сказал Андрей. — Из института. Заведующий кафедрой пишет. Если я до первого октября предоставлю материал для статьи о местной пшенице и рапорт о готовности остаться на кафедре ассистентом... место мое. То самое, под Ленинградом. И комнату дают уже постоянную, двухкомнатную. Сказали, что могут похлопотать о прописке для супруги.

Татьяна опустила глаза. Ее пальцы медленно разглаживали складку на скатерти.

— Срок распределения кончился, — продолжил он тише.
— Теперь это мой выбор. Свободный. Понимаешь? Никто меня здесь цепями не держит. Кроме тебя.

Она подняла голову. Взгляд был ясным, сухим. Ни слезинки.

— Держат, — поправила она мягко. — Только цепи эти не снаружи звенят, а вот тут, — она коснулась своей груди. — Ты их сам выковал, когда первый раз босиком по нашей грязи прошел. Когда Зорьке твоей имя придумал. Когда рожь нашу «рассветную» на гербарий свой сушить не стал, пожалел.

Она встала, подошла к окну. За стеклом начинался мелкий, секущий дождь.

— Езжай, если душа просит, — сказала она, глядя на мокрые ветки сирени. — Силой мил не будешь. Только учти: хлеб, он память имеет короткую. Сегодня ты его растил, спину гнул, а завтра другой придет, плуг повернет иначе — и нет твоего труда. А человек... Человеку труднее. Приручил — значит, отвечай. Мне уезжать некуда. Здесь моя мать схоронена, здесь я сама век доживать буду. Одной куковать или за другого идти — жизнь покажет. Но делить тебя между городом и полем я больше не стану. Выбирай насовсем.

Она ушла так же тихо, как и появилась, оставив после себя запах дождя и тревоги. Андрей остался один. Статья об уникальной клейковине пшеницы лежала в столе почти готовая. Ему нужно было только дописать заключение, собрать об-

разцы и отправить конверт. До первого октября оставалось пять дней.

Глава 5. Выбор

Первого октября ударил настоящий мороз. Небо очистилось, стало высоким и стеклянным. Солнце светило ярко, но грело по-зимнему скупно.

Уборочная закончилась накануне вечером. Последние центнеры зерна ушли в амбары. Колхоз «Летний Рассвет», грязный, оборванный, смертельно уставший, впервые за полтора месяца позволил себе выдохнуть.

Утром правление собралось в красном уголке конторы. Мария Игнатьевна тяжело бухнула печатью по бумаге, закрывая акты выполненных работ. Мужики курили едкий самосад, женщины негромко переговаривались.

Андрей сидел в углу, сжимая в кармане запечатанный конверт. Тот самый, институтский. Решение он принял этой ночью, лежа без сна и слушая, как воет ветер в печной трубе Татьяниного дома. Он вспомнил слова про короткий хлеб памяти. И понял, что хочет оставить след, который нельзя стереть одним поворотом плуга.

— Ну что, товарищ Соколов, — Игнатьевна протерла уставшие глаза. — Поздравляю. Вывезли мы урожай. Не рекордный, земля нынче скуповата была, но честный. Без потерь. Техника твоя наука много спасла, спасибо. Готовь приказ на премирование механизаторам. Да и тебе благодарность выпишем.

Андрей поднялся. Сердце колотилось где-то в горле. В комнате стало тихо. Все смотрели на него.

— Спасибо, Мария Игнатьевна, — голос прозвучал хрипло. — Приказ писать пока погодите. И письмо это... — он вытащил из кармана плотный конверт. — Оно не поедет в Ленинград.

По комнате прошелестел удивленный шепоток. Игнатьевна нахмурилась:

— Это чего ж такое? Случилось что? Передумал? Так мы тебя и просить не будем, неволить — грех. Вольному воля.

— Нет, Мария Игнатьевна, — Андрей положил конверт на край стола, прямо под тяжелую руку председательши. — Я передумал ехать. Я остаюсь. Навсегда. Прошу перевести меня из временных специалистов в постоянные. Штатные.

Он перевел дыхание и посмотрел поверх голов мужиков туда, где стояли бабы.

— И еще одно. Я прошу руки вашей доярки, Татьяны Лебедевой.

Мария Игнатьевна крикнула, сняла очки и начала протирать их краем косынки. Старый конюх дед Митрофан громко высморкался в клетчатый платок. Кто-то прыснул в кулак. Жизнь брала свое, перемалывая любую драму в простую человеческую радость.

— Вот это дело! — наконец пробасила председательша, снова насаживая очки на переносицу. — А то развели мне тут антимонии: Ленинград, кафедра... Земля, она, брат, пу-

стоты не любит. Ей хозяин нужен. Своими руками паханный. Пойдешь свататься — валенки новые надень, нечего невесту позорить своими портками городскими. Скажи ей, пусть платье белое готовит, хоть и не время сейчас для гулянок, а свадьбу сыграем. По-людски. После Покрова.

Вечером Андрей шел к дому Лебедевых. Ноги вязли в раскисшей от утреннего дождя дороге. Он нес букет последних астр, сорванных у кого-то в палисаднике, и чувствовал себя самым счастливым и самым испуганным человеком на свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.